

Богданова Наталья Александровна^{*},
профессор кафедры конституционного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова», доктор юридических наук
(г. Москва)

ОСНОВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ИДЕЯ, ЕЁ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОТРАЖЕНИЕ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

В современном мире идея прав человека получила широкое распространение. Однако она имеет не всегда совпадающее содержательное наполнение, различным образом формализуется в теоретических построениях науки конституционного права и конституционно-правовом закреплении, неодинаково проявляет себя в правоприменении, что объясняется влиянием самых разных факторов, предопределяющих национальный правопорядок.

Обобщенная идея прав человека проявляет себя прежде всего в **концепциях**. Понимание рассматриваемой идеи, норм законодательства и их реализации должно строиться и оцениваться через призму осмысленных и сформированных концептуальных позиций. Всё начинается с концепции, под которой понимается система взглядов на правовое положение человека в обществе и государстве. Центральным элементом правового положения являются права человека.

Концепция дает начало другим теоретическим конструкциям. Она положена в основу **теории** прав человека – развернутого, логически последовательного, подтвержденного практикой объяснения этого феномена.

Доктрина как теоретическое построение часто связана с официальными, в том числе исходящими от власти, нередко насаждаемыми идеями прав человека. Доктрина дает некую установку правопониманию, воплощается в законодательстве и практике. Ее можно рассматривать как идеологию прав.

В создании концепций, теорий, доктрин участвуют ученые и политики, законодатели и правоприменители, что может сказываться на различие смысла и содержания конституционных норм, практики их реализации.

Теоретической и нормативной предпосылкой провозглашения и конституционного закрепления этой идеи стало признание человека фундаментальной, в России в соответствии со статьей 2 Конституции РФ, высшей ценностью. Даже государства, которые ранее отвергали идею прав человека по идеологическим соображениям, как буржуазную идею, сегодня включают её в свои конституции. В 2004 году посредством поправки в Конституции Китая были закреплены права человека. Хотя, по большому счету, со-

^{*} © Богданова Н.А., 2016

циализм с этой идеей не совместим. Многие государства включают в текст своих конституций принципиальное положение о правах человека, в том числе из идеологических соображений: важно казаться миру, как и своим гражданам, изменяющимися, откликающимися на вызовы современности. Что касается нормативного воплощения идеи прав человека, то оно, как понятно, разного уровня – не только национального, но и наднационального, международного.

Почти в 90% конституций мира речь идёт о правах человека. Вместе с тем, мы понимаем, что мир не однороден, а «мировая цивилизация» – слишком абстрактное и неопределенное понятие. Сегодня, сложившаяся региональная социокультура со своим особым менталитетом, особыми жизненными устоями, правилами, понятиями, составляет основу существования различных цивилизаций. Если для Запада принцип «человек – высшая ценность» и естественно сопровождающий его индивидуализм получил правовую формализацию и понимается как предел для власти, для государства, то в другой социокультурной среде, в частности, в восточных цивилизациях, которые опираются на иную религию или философию, в государствах, воплотивших в своем устройстве социалистическое учение, личность неотделима от общества, связана общественным интересом, первенствующим над личным. Индивидуальное начало подчинено общему. При этом общее в том числе представлено и властью.

Адаптировать гуманистические идеи западного образца к национальным условиям стало возможным через региональные и всеобщие международные акты о правах человека. В данном случае представляется возможным говорить об общем, вписывающемся в следующий понятийный ряд: – «всеобщее», «общее» «особенное» через свои собственные конституции, в которых находят отражение национальные исторические и культурные факторы.

Итак, имеются нормативные предпосылки понимания прав человека как идеи. Однако, можно записать в конституции красивую идею прав человека, но на практике совсем иначе относиться к этой идее. Сориентированная на цивилизационное своеобразие идея прав человека может быть уточнена в правоприменении, скорректирована в теоретических построениях и воплощена в обновленной модели ее понимания как юридической системы провозглашения и защиты прав человека на национальном уровне.

Как уже отмечалось, в своём классическом, изначальном варианте правовая модель прав человека происходит из принципа индивидуализма, обособляющего личность от общества. Вместе с тем, в ряде западных конституций, которые последовательны не только в понимании соответствующих норм, но и в их воплощении, идея прав человека получает свое развитие. Так, она продвигается через концепцию социальной солидарности, которая, идеологически будучи связана с либерализмом, включает и начала коллективизма, выражающиеся в заботе об общем, о других, о немощных¹. Ярким примером является Конституция Швейцарии, в которой утверждает-

ся, что «каждое лицо несёт ответственность перед самим собой и участвует в соответствии со своими возможностями в выполнении задач, стоящих перед государством и обществом»².

Россия исторически следует западной модели прав человека. Пережив социализм, отказавшись от него, она в порядке реабилитации, подчеркивает естественно-правовой характер прав человека, характеризует их как неотчуждаемые, прирожденные и включает соответствующее положение в свою Конституцию (часть 2 статьи 17). Однако, пишет М.А. Супатаев: «... в российской культуре, в отличие от западной, никогда не воспринималось понятие индивидуального в западном значении индивидуализма. Полнота индивидуального достигалась в обретении его целостности с коллективным, социальным, а не в автономизации и диктатуре личности, суверенизации отдельно-индивидуального в его плоском, узкокорыстном, потребительском понимании»³. Кроме того, для России идея справедливости традиционно важнее принципа равноправия. Это придает особенность и структуре, и содержательному наполнению системы прав и свобод.

Следует констатировать, что в России многое сделано для правового утверждения и воплощения идеи прав человека. Однако некоторые противоречия, отражающиеся на реализации конституционных прав (правопользовании), наблюдаются внутри самой Конституции и касаются содержания, гарантий, места соответствующего права в структуре основного закона.

Так, коллизия заложена уже в конституционной формуле права на жизнь, представляющего наивысшее воплощение гуманизма. Безусловное провозглашение этого права в ч.1 ст.20 Конституции РФ существенно ограничивается допущением смертной казни, предусмотренным ч.2 ст.20, хотя и при определенных условиях: временных (до ее отмены, но без указания сроков), правовых (уголовным законом может быть установлена как исключительная мера за особо тяжкие преступления против жизни) и процессуальных (рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей). Связав себя международными обязательствами, Россия не применяет смертную казнь, однако ее юридическая отмена не состоялась. Нормы Уголовного кодекса остаются действующим правом, хотя и не применяемым, что в своих известных правовых позициях отразил Конституционный Суд РФ.

Провозглашенный в Конституции РФ принцип непосредственного действия основных прав и свобод (статья 18), к сожалению, трудно реализуем и поэтому остается только красивой многообещающей формулой. Причины этого объективные – сложность и даже невозможность осуществить многие права без конкретизации их содержания и определения механизма пользования ими в текущем законе, российская правовая традиция, состояние судебной системы и субъективные – правовая культура носителей прав и исполнителей.

Серьезные сложности испытывает процесс реализации прав и свобод в связи с имеющим место столкновением интересов общественной безопас-

ности и личной свободы, широким пониманием возможностей, предоставляемых конституционными правами их носителями. Такая ситуация приводит к сужению границ конкретных прав (в том числе права на жизнь, достоинство, неприкосновенность частной жизни и ряда других). Найти грань между ценностью прав человека и объективной потребностью обеспечения безопасности – трудная задача и законодателя, и правоприменителя. Есть серьезные возражения против сужения возможностей человека и расширения правомочий государственных структур. Однако настораживает отношение самих граждан к предлагаемым и уже введенным ограничениям их прав: по результатам проводимых социологических опросов большинство соглашается с необходимостью таких ущемлений. Налицо изменение посредством текущего закона содержания конституционных прав по кругу заложенных в них возможностей, продиктованное общественной и политической ситуацией, на которую ориентируются государства, в т.ч. и Россия.

В качестве примера можно обратиться к российскому законодательству о публичных мероприятиях⁴, которое претерпело изменения от вполне либерального (уведомительный порядок, довольно широкие возможности выбора места и времени, обязанности властей гарантировать мирные публичные мероприятия и т.п.) до весьма жестких правил и процедур проведения таких мероприятий (их согласование с соответствующими органами, по сути выросшее в разрешение на их проведение, при широких дискреционных полномочиях власти, увеличение круга обязанностей субъектов данного права, серьезное усиление) санкций за их нарушение и т.п.).

Кроме того, законодатель расширил и виды мероприятий, попадающих под категорию «публичное мероприятие», хотя по сути таковыми не являются.

Соответствующая норма ФЗ о митингах и демонстрациях была принята Кодексом РФ об административных правонарушениях. Его статья 20.2.2 «Организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка» устанавливает, что организация не являющегося публичным мероприятием массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, публичные призывы к массовому одновременному пребыванию и (или) передвижению граждан в общественных местах либо участие в массовом одновременном пребывании и (или) передвижении граждан в общественных местах, если массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах повлекли нарушение общественного порядка или санитарных норм и правил, нарушение функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения или связи либо причинение вреда зеленым насаждениям либо создали помехи движению пешеходов или транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры, влечет за собой административную ответственность в ви-

де штрафа или обязательных работ, или административного ареста⁵. Речь идёт о реализации основных прав на свободу передвижения и на свободу выражения мнения.

Эта статья неоднократно применялась в судебной практике. Использую примеры из такой практики, приведенные Д.Р. Салиховым⁶.

В решении суда указано, что гражданин Л. был привлечён к административной ответственности за то, что совершил действия, которые подпадают как раз под состав правонарушения, определенного в статье 20.2.2 КоАП РФ. Л. организовал не являющееся публичным мероприятием, массовое, одновременное пребывание граждан в общественном месте, создав, тем самым помехи передвижению пешеходов и доступу граждан к объектам социальной инфраструктуры (как следует из дела, не функционирующим). Действия его были связаны с тем, что он пригласил друзей в центр Москвы слушать его игру на виолончели. Этот поступок был расценен судом как нарушение нормы КоАП, а такое ее понимание и применение соответствует идее общей пользы прав человека, обеспечения ответственности человека за свое поведение перед обществом и государством.

Такой же подход продемонстрировали и другие суды, увидев правонарушение в зарядке («массовом общественном мероприятии», создающем препятствие для движения пешеходов), в факте распевания песен одним участником, нарядившимся в костюм Нептуна.

С одной стороны, введение в законодательство упомянутой нормы должно было стать препятствием злоупотреблениям, допускаемым недобросовестными правопользователями, с другой, – привело к чрезмерному ограничению самого конституционного права. Выходом из сложившейся явно неблагоприятной ситуации должно стать уточнение закона в целях предания ему определенности и разумности, что позволит сузить сферу усмотрения судей, рассматривающих такие дела.

¹ См. об этом: Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. М.: Проспект, 2016.

² Конституции зарубежных государств. – М.: Издательство БЕК, 2001. – С. 228.

³ Права человека: итоги века, тенденции, перспективы /Под общ. ред. Е.А. Лукашевой. М.: 2002. С. 276.

⁴ Федеральный закон №54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, собраниях и пикетированиях» от 19 июля 2004 года.

⁵ Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях // http://base.garant.ru/12125267/20/#block_200#ixzz4mWUfp4Ck

⁶ Салихов Д.Р. Дискреционное усмотрение и коррупция в контексте проблемы воспроизводства политических элит и теории протестных отношений // Конституционное и муниципальное право». 2016. №6.